

Секция «Концепты устойчивости и стабильности государства в истории мировой политической мысли»

Ф.М. Бурлацкий о стабильности и устойчивости политической системы Китая в 1949–1982 гг.

Научный руководитель – Ширинянц Александр Андреевич

Соболев Владимир Андреевич

Аспирант

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Факультет политологии, Кафедра истории социально-политических учений, Москва, Россия

E-mail: sobvlad1992@yandex.ru

Анализ исследования стабильности и устойчивости политической системы Китая в 1949-1982 гг. в творчестве Федора Михайловича Бурлацкого [7; 8; 9] можно начать с обращения к книге под названием «Маоизм — угроза социализму в Китае». В ней, исследуя Китай, Ф.М. Бурлацкий предлагает отказаться от проведения аналогий между процессами, происходившими в период «культурной революции», и другими историческими событиями: «Многие зарубежные исследователи современного Китая заняты сейчас поиском аналогий нынешним китайским событиям в тех явлениях, которые имели место в этой стране столетия, а то и тысячелетия назад. Они ищут следы ожесточенной политической борьбы и неудачных реформ современного Китая в далеких, забытых или полузабытых традициях. И все мотив о том, что Восток остается Востоком; они утверждают, что даже, когда Восток воспринимает нечто у Запада, он перерабатывает это на свой лад таким образом, что полностью меняет природу воспринимаемого» [4, с. 180].

Ф.М. Бурлацкий считает, что исследуя Китай, необходимо проводить объективный анализ: «нам представляется неверным как игнорировать исторические традиции, которые в той или иной форме возрождаются сейчас в Китае, так и переоценивать их значение, смазывать, по существу, необходимость всестороннего анализа того социального и политического феномена, который представляет собой современный Китай» [4, с. 180].

Народы, по мнению Ф.М. Бурлацкого, «в том числе и такие великие, как китайский, имеющий за своими плечами тысячелетия развития, знают и ровные, сравнительно спокойные периоды, и бурные, скачкообразные, насыщенные ожесточенной борьбой и коренными преобразованиями. Но при всем том невозможно забывать, что все это — история одного народа, не разделенная на куски, а непрерывная в своей прерывности, единая в своих перепадах. И даже такой крутой перелом, как китайская революция, которая захватила все стороны социальной жизни страны, проникла во все уголки китайского общества, не может рассматриваться вне связи с предыдущей историей, с уровнем экономического, социального, политического развития, с традициями культуры и национальной психологии, с бытом, нравами, привычками многомиллионных масс» [4, с. 181].

В книге «Мао Цзэдун: "Наш коронный номер — это война, диктатура"» Ф.М. Бурлацкий отмечает, что только двое из известных ему вождей могли бы составить конкуренцию Мао Цзэдуну по времени нахождения у «кормила власти, — Франко в Испании, сумевший пережить даже идеологию фалангизма, и генералиссимус Чан Кайши, окончивший свои дни в качестве островного владыки. И, пожалуй, только один Мао Цзэдун по-прежнему претендует на роль и правителя, и идеолога. Жажда деятельности или, вернее, жажда власти оказалась сильнее его физических сил. Его стремление утвердить себя в качестве учителя китайского народа, да и других народов мира с возрастом не только не убывало, но усиливалось» [3, с. 4]. Тогда эти сорок лет, «насыщенные ожесточенной борьбой: победами и поражениями, упоением властью и боязнью ее потерять, новыми надеждами

и глубокими разочарованиями. Четыре десятилетия гигантских перемен во всем мире, лихорадочных поисков путей исторического перелома в судьбах самого Китая: народная революция, "большой скачок", "народная коммуна", "культурная революция"... Сколько испытано, увидено, пережито...» [3, с. 4].

В книге «Мао Цзэдун и его советник Дэн Сяопин» Ф.М. Бурлацкий выделяет следующие характеристики вождя: «Мао Цзэдун, быть может, больше других лидеров XX века отвечал характеристикам, которые давал государям незабвенный Макиавелли [1]. Это, несомненно, один их выдающихся деятелей, который оставил глубокий след в истории Китая и далеко за его пределами. Независимо от того, как оценивать те или иные его деяния, они повернули историю более чем миллиарда человек на азиатском континенте в новом направлении. Он с юности сам себя мыслил героем и полностью реализовался в этом качестве» [2, с. 3]. Сложно представить, что «сын простого крестьянина из далекой провинции сумел создать и возглавить армию и, пройдя через сотни испытаний, привести ее к победе. Он добился не меньшего, а возможно, большего поклонения своего народа, чем Сталин в Советской России, и, хотя он был мало успешен и даже странен в своих крутых реформах, его имя, в отличие от имени Сталина, не было растоптано и не было предано забвению, как имя Хрущева, а сохранено на пьедестале основателя Китайской Народной Республики» [2, с. 3].

В 1980 г. Ф.М. Бурлацкий в журнале «Вопросы философии» опубликовал статью «О социально-экономической и политической системе КНР». В ней раскрыты ключевые черты социальной, экономической и политической систем Китая. В статье Ф.М. Бурлацкий описывает преобразования данных систем, а также определяющие такие изменения факторы [6].

В 1982 г. Ф.М. Бурлацким в «Новом мире» опубликована статья «Междоусобица, или хроника времен Дэн Сяопина». В ней Ф.М. Бурлацкий констатирует, что проблемы, отчетливо проявившиеся после смерти Мао Цзэдуна, не ограничиваются политической борьбой и экономической сферой, а лежат глубоко в основании китайского общества: в коренных духовных, нравственных, этических и социальных идеалах и ценностях [5].

В своих рассуждениях по данной теме Ф.М. Бурлацкий приходит к следующим выводам: «Как случилось, что мы через 50 лет после смерти Сталина оказались в разрушенном Союзе ССР и в глубокой экономической пропасти, а Китай через 30 лет после смерти Мао Цзэдуна стал второй экономической супердержавой в мире? Что это — своевременный выбор новых руководителей КНР; разность устремлений элит в двух державах; сохранение строгого партийного контроля в Китае и жалкая многопартийность в дешевых товарах и рабочей силе из КНР? А может быть ответ, который сам просится в руки. В Китае пришел к власти умный, талантливый реформатор Дэн Сяопин, а у нас один за другим менялись вожди, которые не знали, как делать реформы...» [2, с. 5].

Таким образом, хоть Ф.М. Бурлацкий и не являлся профессиональным китаеведом, но его работы позволяют лучше понять специфику рассматриваемого периода истории Китая. Ф.М. Бурлацкий не только анализировал социально-политические изменения в КНР, но и внес вклад в теорию стабильности и устойчивости политических систем.

Источники и литература

- 1) Бурлацкий Ф.М. Загадка и урок Никколо Макиавелли. М.: Молодая гвардия, 1977. 255 с.
- 2) Бурлацкий Ф.М. Мао Цзэдун и его советник Дэн Сяопин. М.: Собрание, 2008. 231 с.
- 3) Бурлацкий Ф.М. Мао Цзэдун: «Наш коронный номер – это война, диктатура». М.: Международные отношения, 1976. 392 с.

- 4) Бурлацкий Ф.М. Маоизм – угроза социализму в Китае. М.: Политиздат, 1968. 192 с.
- 5) Бурлацкий Ф.М. Междуцарствие, или Хроника времен Дэн Сяопина // О политической науке: Избранные произведения. М.: Издательство Московского университета, 2013. С. 223–244.
- 6) Бурлацкий Ф.М. О социально-экономической и политической системе КНР // Вопросы философии. 1980. № 2. С. 112–125.
- 7) Соболев В.А. Значение Ф.М. Бурлацкого для становления и развития политической науки в России // Русская политология. 2018. № 1 (6). С. 152–158.
- 8) Соболев В.А., Ширинянц А.А. Ф.М. Бурлацкий и становление политической науки в СССР // Политическая наука. 2016. № 5. С. 25–42.
- 9) Шестопал Е.Б., Шутов А.Ю. Памяти Ф.М. Бурлацкого (1927–2014) // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2014. № 3. С. 124–127.